

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИДИОМ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В АВТОРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Е. Б. ДЗАПАРОВА

Проблеме передачи безэквивалентной лексики в русском переводоведении посвящено немало работ. Недостаточно изучен данный вопрос в осетинском литературоведении. В своей работе на примере авторского перевода повести Н. Г. Джусойты «Ада́ймаджы мæла́т» [1] – «Возвращение Урузмага» [2] мы попытаемся показать способы решения передачи данных лексических единиц на переводящий язык.

В большинстве случаев термин «безэквивалентная лексика» употребляется как синоним понятия «реалия». Однако под «безэквивалентную лексику» «падают» все те слова и устойчивые словосочетания, которые не имеют «ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [3, 24-25]. К безэквивалентной лексике в художественном переводе также относят имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, условные сокращения), диалектизмы. Однако в тех случаях, когда имя собственное не просто называет предмет, а имеет некое дополнительное значение, механическая передача звучания не обеспечивает адекватности перевода.

Для каждого вида безэквивалентной лексики существуют свои характерные способы перевода. И в каждом конкретном случае переводчик вправе сам решать ту или иную переводческую задачу.

Подобного рода выражения, особенно трудные для перевода, существ-

вуют во всех языках. Не исключение составляет и осетинский язык. На основе сравнительно-сопоставительного анализа повести Н. Г. Джусойты «Ада́ймаджы мæла́т» («Возвращение Урузмага») проследим особенности передачи безэквивалентной лексики и идиом в переводе.

Как известно, большого творческого таланта требует перевод слов, обозначающих специфические для носителя определенного языка реалии. К ним относят особую категорию слов, которые называют объекты, характеризующие быт, культуру, социально-исторические объекты одного народа и чуждые другому. Они нередко могут представлять трудность для переводчика своей формой, лексическими, фонетическими, морфологическими особенностями, а также сочетаемостью. Перевод может утратить некоторые особенности оригинала, и порой переводчик вынужден отказаться от перевода реалий, так как сталкивается с двумя основными трудностями:

- отсутствием в переводящем языке соответствия (эквивалента, аналога) из-за неимения у носителей этого языка обозначаемого реалией объекта (референта);
- необходимостью, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску [4, 89].

Способы перевода реалий сводятся к следующим приемам:

1. Транслитерация (транскрипция) – частичная или полная передача графических форм иноязычной реалии в переводящем языке.

2. Описательный, перифрастический – передача содержания слова (реалии) в другой форме, уже реально существующей в языке. Этот прием используют, если в языке перевода нет соответствующей номинации слову (реалии) или она не известна переводчику.

3. Уподобляющий – замена более близким по функциям к иноязычной реалии, чревата полной потерей национальной специфичности слова.

4. Гипонимический – перевод обобщенно-приближающий, при котором слова исходного текста, обозначающие видовое понятие, передаются словом, называющим родовое понятие в переводном тексте.

Ввиду этого, прежде чем приступить к переводу национально-специфических реалий, переводчик должен понять смысл незнакомой ему реалии, место, занимаемое ею в контексте, смысловую нагрузку, которую она несет. Также ему необходимы «фоновые знания», «фоновая информация» о той действительности, которая стоит за словами иной культуры. При этом он должен избегать искусственных конструкций, тяжеловесных и непривычных для языка перевода. В этом случае теории перевода предлагают использовать описательный перевод. Если в языке перевода не существует соответствующего понятия социального, географического или национального характера, то переводчик вынужден описывать обозначаемый ими смысл.

Передача реалий в авторском переводе определяется уникальной природой данного вида перевода. В авторском переводе переводчиком выступает сам автор оригинального текста,

что сопровождается особыми трудностями. Во-первых, это мешает переводчику переводить, так как нарушается языковое равновесие; во-вторых, автор в своей переводческой деятельности не скован «никакими чисто переводческими предпосылками, он волен переосмысливать и переделывать текст в любом отношении и в любой степени менять композицию, образы и средства выражения» [4, 174]. Не удивительно, что в результате такого самоперевода получается совершенно новое произведение. С другой стороны, переводчик-биллинг видит все тонкости оригинала, что позволяет ему создать безупречный аналог.

В повести Н. Г. Джусойты «Ада́ймаджи ма́лает» мы находим немало слов и выражений, обозначающих так называемые реалии. С их помощью писатель широко и разнообразно показывает русскому читателю богатство осетинской культуры. Показателями ее являются по большей части наименования обычаев, одежды, пищи, напитков и т.д. При их передаче в тексте перевода автор находит эквиваленты: «сылы» – «сыворотка», «агъдау» – «обычай», «арынг» – «корыто», «табына́й ха́дон» – «свитер», «сыкъа» – «рог», «куывд» – «пир», «цухъхъа» – «черкеска», «куыра́т» – «беи́мет», «фа́ндыр» – «га́рмонь» и т.д. Но неверен, на наш взгляд, перевод реалий «ка́рдзын» – «пирог», «хъа́у» – «деревня». Здесь вполне можно было подобрать аналоги – «чурек», «аул».

При переводе реалий Н. Г. Джусойты также использует описательный перевод, объясняет значение той или иной реалии: «ныма́т худ» – «войлочная шляпа», «уа́лдзарм худ» – «овчинная шляпа», «хырх» – «ручная пила», «надзахи» – «плотничий топор», «уа́ливыхта́» – «пирог из сыра». В случае же отсут-

ствия словарного соответствия слову он использует контекстуальный перевод – содержание реалии передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста: «гуыдын» – «свадебный пирог с яичным желтком», «бæркад» – «тост за изобилие на земле», «чындзхæсджытæ» – «гости из рода жениха», «уайсадын» – «сноха, по обычаю, не могла говорить со свекром».

Осетинские названия «гыцици», «фынг», «туман», «фарн», «арака», «зиу», «хайуан» передаются в русском языке в их исконном написании, в транслитерации, т.е. без каких-либо морфологических изменений. Н. Г. Джусойты хотел донести до русскоязычного читателя не только фабулу, но и колорит, особенности быта, жизненного уклада осетинского народа. В состав реалий попали слова из русского языка: «халат», «организм», «Волга», «ерепълан», «поезд», «конолент», «Прима», которые переводчик, в свою очередь, оставляет в таком же написании. В подлиннике встречаются реалии «падишах», «коходзи», являющиеся чужыми как для носителя осетинской, так и для представителя русской культуры. Их Н. Г. Джусойты переносит в текст перевода в иноязычной форме.

Писатель избегает перевода при передаче реалий «ныхас», «цикъæ хæдон», «къæс», «уæзæг», «зæдтæ», «дзуæрттæ», «гуылтæ». Они не представлены в тексте перевода.

Антропонимы в переводе транскрибируются, исключение составляет перевод следующих собственных имен: «Сарат» (собака Урузмага) – «Мила», «Уасил» – «Басил». Отсутствует в переводе имя сестры главного героя Урузмага – Хурамзе. При переводе имен осетинских божеств Барастыр, Уастырджи, Аминон писатель дает в сносках

комментирующее пояснение к ним. Например: «Уастырджи – языческое божество, покровитель мужчин, воинов, путников», «Барастыр – в осетинской мифологии привратник царства мертвых», «Аминон – царь мертвых».

Интересен перевод названий местности. В тексте встречаются несколько топонимов. В одних случаях, Н. Г. Джусойты переносит их в перевод в таком же написании: «Дзæуджыхъæу» – «Дзæуджикау», «Калак» – «Калак», «Мæскуы» – «Москва», «Ир» – «Ирыстон». Когда транскрипция по тем или иным причинам невозможна или нежелательна, просто калькирует, т.е. переводит как обычное слово: «Ривæддон Тæрс» – «Пастушья чинара», «Стыр фæз» – «Большая поляна», «Лæбырдты рагъ» – «перевал Большие оползни». При переводе топонима «Калак» можно было указать для русскоязычного читателя, что это местное название Тбилиси, а не переносить в транскрипции. Неудачен, на наш взгляд, перевод выражения «Дзæнæты бæстæ» – «райская страна Дженет». Здесь можно было ограничиться буквальным переводом – «райская страна» или перевести как «рай». По-своему автор перевел название «Дарæнты хъæу» – «село Большая Башня».

К числу труднопереводимых единиц языка относятся идиомы – фразеологизмы, пословицы, поговорки. Трудность их перевода определяется прежде всего тем, что они обладают ярко коннотативным и обобщенно-переносным значением. Переводчик художественного текста должен хорошо разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять фразеологические единицы, раскрывать их значение и передавать с той же экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенностью, что и их аналоги в оригинале.

Способов передачи фразеологизмов в иноязычном тексте несколько: 1) перевести фразеологическую единицу исходного языка точным, полноценным соответствием в смысловом и коннотативном отношении фразеологизмом переводящего языка; 2) заменить фразеологизм оригинала своим, который является лишь семантическим эквивалентом, построенным по другой фразеологической модели; 3) перевести фразеологизм его лексическим эквивалентом или семантический близким свободным сочетанием слов.

Каждый из этих способов передачи фразеологизмов не исключает применение других, наиболее подходящих для каждого конкретного случая приемов перевода фразеологических единиц.

Передача фразеологизмов, пословиц и поговорок в автопереводе облегчается тем, что переводчик легко распознает их в тексте и раскрывает значение. Но остается проблема подыскать адекватные языковые средства, что далеко не просто. Проследим, как преодолевал эти трудности Н. Г. Джусойты в переводе повести «Адаёймаджи мæлæт».

В данной повести мы встречаем немало фразеологизмов. Для их перевода писатель использовал различные приемы. В автопереводе Н. Г. Джусойты стремился к идеальному переводу – фразеологизм переводил фразеологизмом, находил в переводящем языке точное, не зависящее от контекста полноценное соответствие в смысловом и коннотативном значении: «йæхи сагъæсты аныгъуылд» – «ушел в себя», «джихæй кæсы» – «смотрит упрямо», «адзал рцъд» – «пришел смертный час», «ме ’муд куы ’рцъдтæн» – «пришел в себя», «уæ фарн уын нæ фесæфтой» – «честь вашу не уронили», «уд сисдзæн» – «выну душу», «удагасæй мард нæ

дæн» – «не живой покойник», «бæстæ йæ сæрыл сисдзæн æрдиагæй» – «реву не оберешься», «Хуыцау бахизæт» – «не дай бог», «фыдæбонаей дзы нæ хъуырмае уыдыстæм» – «по горло в бесконечных заботах», «мæ къухы схъомыл» – «на моих руках вырос», «уд дзы нал вæййы» – «души нет», «хæрзиуæг аразынмае цауыныц» – «делать доброе дело».

В другом случае за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов Н. Г. Джусойты описывает фразеологизм, т.е. передает в максимально ясной, краткой форме его содержание: «гæдыныхæстæ кæндзæн» – «будет врать», «æнад кæнын» – «чураться», «мæрды рох мыл бафтыд» – «забыл», «мæ сæраен нæ уыдтæн» – «не смог», «фыдæбонаей марыс» – «возишься», «дæ мæлæты бонмæ ам дæ дæндаг рафтау» – «хоть подыхай здесь», «ницыуал хос ис» – «смирились», «фидар æм лæууын» – «не выйдет», «цы зыдта, уый дæр йемæ донь къусы сæфт фæцис» – «все кончается», «нал ахсы хуыссæг» – «не спится», «дæ сæр сæ нал хъæуы» – «не нужен», «мæ сæраен нæ уыдтæн» – «не смог», «цæсгом нал хъæцы» – «стыдно», «хъуыддаг сныв кодтой» – «все решено», «ныфсытæ æвæрын æй фæндыд» – «утешить», «сæ хъус арæхдæр дариккой» – «буду помнить».

Автор прибегает и к толкованию фразеологизма: «масты сæраен айстай мæ ныхас» – «обиделся на мои слова», «мæ масты сæр ууыл у ныр» – «вот в чем мое горе», «джихæй каст» – «замер и уставился», «хъуамæ сæ зæрдæ ма фæхуда» – «никто тебя не осудит», «аргъ та... куыд дæ къух амонь, афтæ» – «а цена по твоим достоинствам», «фыццаг ам чи рцард æмæ дзы йæ дæндаг чи рафтыдта» – «кто жил здесь от рождения до смерти», «кæсдæртæ дæр афтæ кæсын сæ сæрмае не ’рхæсдзысты» – «молодые прибегут сами, зачем, мол,

срамите нас», «уый ма аерцахстой Уырызмаджы хъустæ» – «это было последнее, что слышал Урузмаг», «нае фæндаг цыбыр кæнæм» – «пора идти».

Если же писатель не находил подходящего аналога или замены, то переводил фразеологизм буквально: «мæрдтæм хъæр кæндзыстæм» – «из страны мертвых вызывать будем», «мæнæн ма армы ницы ис ныртæккæ» – «ничего нет такого, чтобы на ладонь положить», «ацы уæзæгыл байгаси ма зардæ æмæ ма йæ куыд ратонон» – «моя душа, видно, приросла к этой своей земле, и ее уж не оторвать».

Перевод фразеологической единицы может отличаться от исходной по компонентному составу: «алчи йæ царды кой кæны» – «каждый под своим котлом огонь разводит», «мæ цаест нае уарзы уæй кæнын Зыгъары» – «жалко отдавать его в такие руки», «дзырд мын хъуамæ радтай» – «уговор дороже денег», «мæстыгæр хæссын райдыдта» – «что-то сломалось в его душе, резок стал на язык», «мæ царды бон фæци» – «мое солнце на закате», «ингæнмæ ма фæндаг фæцауы» – «до могилы рукой подать».

Прежде чем приступить к переводу того или иного фразеологизма, переводчик должен понять, какая мысль передается с помощью данного устойчивого оборота. Затем подбирается соответствующее аналогичное фразеологическое выражение в переводящем языке. Здесь хочется обратить внимание на перевод фразеологизма «мæ дзул лæвæрд фæци» в значении «закончил свою работу», «сделал свое дело». Тут Н. Г. Джусойты в русском языке находит фразеологический эквивалент – «солдат свое дело сделал», который обладает той же экспрессивно-стилистической и коннотативной окрашенностью, что и в переводимом тексте.

Часто Н. Г. Джусойты при переводе слов или словосочетаний исходного языка на переводящий использовал фразеологические единицы. Например: «ам дæ куыд нал аербайафон» – «когда вернусь, чтобы духу твоего здесь не было», «цы сын кæнон» – «ничего нос вешать», «марадз зæгъ, кæд басæтдзæни» – «и ухом не ведет», «сыздыхтытæ кæндзæн» – «он из меня веревки вить будет», «зыдта Тодайы хъуыды» – «видел Тоду насквозь», «мæ фыд мын ницы ныуагъта» – «в наследство медного гроша не оставил», «æнæмæты раппар-баппар кæндзысты» – «могут наломать дров», «æмбулынмæ хъавы» – «на лопатки положили», «мæнæй йæ æмбæхстай» – «не время в прятки играть», «хæдзар ныуадз» – «нельзя оставить его без крыши над головой», «бавзар йæ ды дæр» – «отведай и ты этой похлебки».

Если автор не находил аналога или буквальный перевод был невозможен, он просто опускал фразеологизм подлинника в переводе. Так, не представлены в русскоязычном тексте следующие фразеологические единицы: «ныфсытæ æвæрын», «сагъæс кæнын», «фæндиаг кæнын», «уым ахицæн йæ хабар», «мæ зынг ныххуыссыд», «дæ хъус сæм цауылнае фæдардтай», «йæ зардæйы тыппыртæ куы суагъта», «чызджытæй алчи дæр йæхи хæдзары 'рдаем ивазы».

Наоборот, в тексте подлинника нет фразеологизмов: «ума с ноготок», «над душой смерть стоит», «всегда себе на уме», «развела их жизнь под разные крыши», «разорвать нити человеческого родства», «трудную задачу он мне задал», «в молчанку будем играть», «у него ветер в голове», «ищи ветра в поле», «возьми себя в руки».

Чтобы перевести фразеологизм, Н. Г. Джусойты часто прибегал к замене

его в переводе сравнением: «зарæджы уарзондзинад йæ зардæйæ нæ ацух» – «к песне он испытывает такую же нежность, как маленькие дети к щенкам». Или более развернутым сравнением: «йæ зардæ срухс» – «и ушла куда-то его скорбь. Было такое ощущение, словно он после долгого летнего дня на косовице встал нагишом под теплую струю из желоба в укромном месте, смыл с себя пыль и пот, тяжкую усталость и, надев свежую сатиновую рубашку, прилег в тени на сухой земле» [1, 33].

Не вполне адекватный перевод видим в случае передачи на русский язык фразеологизмов: «уæдмæ... нæ комыфыдтæ æрцаудзысты» (в значении «похудеем», «исхудаем») – «к тому времени мы без зубов можем остаться», «дæхи рихи дæр хорз даст у» – «видно по тебе, что всю жизнь бороды брил». Данным фразеологическим единицам можно найти в переводящем языке аналоги – «останутся кожа да кости» и «сам себе на уме».

В тексте перевода встречаются случаи и антонимического перевода: «рухс у йæ зардæ» – «он бывал за столом более озорным и веселым», «зардæ бауынгæг» – «обрадовался».

В тексте оригинала встречается немало фразеологических единиц, центральным компонентом которых является слово «зардæ» («сердце»). При их переводе на русский язык Н. Г. Джусойты использовал несколько вариантов для решения проблемы. Во-первых, при переводе он старался сохранить фразеологический образ и находил аналоги: «йæ зардæ барухс» – «сердце по-телячьи взбрыкнуло от радости», «цыдæр æбарæг сагъæс ын йæ зардæ уынгæг кодта» – «он чувствовал глубокое, но частое биение сердца; что-то ныло в груди, мешало свободно дышать», «зардæйы рис» – «сердце ныло», «зардæ æцæг барухс» – «сердце было спокойно»,

«зардæ-у бауынгæг» – «теснил наши сердца».

Во-вторых, он отказался от перевода фразеологизма исходного языка на переводящий, ограничиваясь ярко коннотированным объяснением значения данной фразеологической единицы или заменяя свободным словосочетанием. Например: «зардæ йæм нæ хъуыста» – «ничего не получалось», «зардæ нæ агайдтой» – «не мог любить», «сæ дзæбæх зардæйыл куы уыдысты...» – «когда тревога за жизнь больного не давала уснуть, он вспоминал этот жест», «мæ зардыл уый уыдис» – «так думал», «ныхæстæ зардыл дарын хъæуы» – «запомните слова», «йæ зардæмæ фæцыд» – «понравилось», «кад мыл дæ зардæ миййаг истæмæй худы?» – «говори, если чем обидел», «йæ зардæ нæ барухс» – «огорчился», «мæ зардæ йæм радтон» – «старался», «лæг йæ зардæ цы къахы» – «мучиться», «зардæ куы фæрог кæнид» – «успокоить», «зардæ ноджы суынгæг» – «зарыдал», «дæ зардæ ма 'хсайæд» – «не беспокойся».

В-третьих, писатель находил в переводящем языке фразеологизмы синонимически близкие, но лишенные какой-либо национальной специфики их фразеологических образов: «бауагъта мæ зардæйы мæлæты тас» – «столкнул в омут смертного страха», «мæ зардæ йæм æвзарæй не 'хсайы» – «за него моя душа спокойна», «йæ дзæбæх зардыл ис абон» – «весело у него на душе сегодня», «мæ зардæмæ ницы хæссын» – «нет вины за мной».

Желая донести до русскоязычного читателя национальную специфику фразеологического образа того или иного фразеологизма, Н. Г. Джусойты прибегал к калькированию, переводил фразеологическую единицу буквально по компонентам: «æндæр цыдæр ис дæ зардæйы» – «не то у тебя на сердце».

Примером идеального перевода в повести может послужить и перевод пословиц, поговорок. Известно, что «от остальных устойчивых единиц пословицы отличаются 1) своей синтаксической структурой: пословица – всегда четко оформленное предложение, и 2) тем, что единицы пословичного типа выражают суждение, обобщенную мысль, мораль (нравоучение) и т.д. в отличие от остальных ФЕ (фразеологических единиц. – Е. Д.), обозначающих обычно понятие или предмет» [4, 179]. Их, как правило, не переводят, а находят в переводящем языке аналог. Например: «æдылы лæг фыдæбонæй дарддæр цы кæны йæхицæн» – «глупая голова и себе и другим покоя не дает», «раджы бадаг æвæсмоны зарæг кæнаг» – «кто рано встает, добро находит», «кæрцæй хæдон – хæстæгдæр» – «рубаха к телу ближе, чем шуба». Для Н. Г. Джусойты, как видим, важно было при переводе сохранить образность пословиц и поговорок, найти в переводящем языке единицу с близкой образностью.

Значительную сложность для переводчика вызвал перевод поговорок, пословиц, не имеющих близких образных параллелей. В этом случае Н. Г. Джусойты использует обычное перевыражение, аналогичное переводу нормально-художественного текста, в том числе и калькой. В тексте читаем: «куыдзы кой ракæн æмæ лæдзæг дæ къухмæ райс» – «помянул собаку – возьми палку в руку», «зæронд бирæгъ дыгæйттæ хæссы» – «старый волк в одной пасти двух овец тащит», «цард мыды къус куы уа, уæддæр дзы лæг сфæлмæцид» – «попробуй три дня подряд мед есть – солому жевать согласишься», «хорзæн бын ма скаен, æвзæрæн бын ма ныуадз» – «дурному сыну не оставляй наследство», «хойы зардæ æфсымæрма, æфсымæры зардæ та хъæдмæ» – «сестрино сердце

к брату стремится, а братино – в лес норовит», «ды кæд рувас дæ, æз – дæ къæдзил» – «если ты лиса, то я твой хвост», «карды комыл оффытæй нал у» – «под ножом кровника мольба – не спасение».

Буквально переводит он и следующие паремии: «лæппу, хæрæфырт къæйтыл мизаг вæййы» – «племяннику не зазорно у дяди и во дворе помочиться», «хæдзараразæг лæгæй, дам, калм дæр тæрсы, йæ дзыппы, дам, мæ куы авæра синаджы 'фсон» – «человека, который дом себе строит, даже гадюка боится: вдруг меня за веревочку примет и в карман сунет?», «æрæджиауы хорз ныхас афоныл æвзæр ныхасæй æвзæрдæр у...» – «даже обычное слово, вовремя сказанное, лучше, чем запоздалая мудрость», «нæдæр уæхст басыгъд, нæдæр физонæг» – «и шашлык не обуглился, и вертел не сгорел», «мæгуыр, чи ацæуы, уый вæййы» – «жаль уходящего, а живые, они погорюют и обойдутся».

Есть случаи, когда Н. Г. Джусойты текст оригинала переводит поговоркой и пословицей: «на йын хъуыди дзырын» – «сказанное слово – что лавина в горах», «уæләмæ стгæ, зæронд хебро, афон у!» – «кто с зарей встает, того удача ждет!», «нал ивын мæ бынат» – «от добра добро искать», «ныры дуджы бæхæн ницыуал аргъ ис» – «нынче коню, даже дареному, в зубы смотрят». Или наоборот, единица переводящего языка в исходном представлена паремией: «зынг зæгъынæй ком на судзы» – «не обижайся на мою прямоту».

Немало в оригинале и афоризмов, кратких изречений, в которых обобщена глубокая мысль автора. При переводе нужно учитывать не только содержание того или иного афоризма, но и стремиться сохранить их лаконичную, отточенную форму. Встречающиеся

в исходном тексте афоризмы переводятся буквально. Например: «мад йæ хъæбулагй фылдæр кæуыл фæфыдæбон кæны, уый фылдæр уарзы» – «матери дороже всех тот ребенок, с которым больше всех мучилась и нянчилась», «рæгъау æнæбогъ куыд нæ фидауы, куывды фынг та æнæзарæг» – «застолье без песни, что коровье стадо без бугая», «адæймаг адæймагаен исты хорзы бацæуынхъом куы нæ уа, уæд цы у йæ цард» – «человеку надо радость иметь – людям добро делать», «зæронд никай уал хъæуы» – «старый, он никому не нужен», «адæймаг кæм нæ уа, уым цард дæр нæй» – «где человеку невозможно жить, там зверю тоже не хочется век вековать», «æнæбары цардагй мæлæт хуыздæр у» – «лучше умереть, чем быть людям в тягость», «къуылых лæджы дзырд кæрдаг кæд уыди» – «хромого и жена не слушается», «мæгуыр лæгæн алы капекк дæр, хылычъы сисы мидæг дурæй дурæ 'хсæн куыд фæкæнай, афтæ у» – «для бедняка каждая копейка в хозяйстве, что малый камушек в стенной кладке».

В подлиннике встречаются поговорки, пословицы, афоризмы, не представленные в переводе: «лæджы цæст фæллоуæ кæд æфсæст», «алкæмæн йæ лауыз – йæ мæрдтæн», «хæрзæбонны йæ афоныл куына бацæуай, уæд мæлæт

дæума æнхъæлмæ кæм кæсдзæни», «лæппу мастхæссаг вæййы», «цардагй мæлæты 'хсæн цыбыр фæндаг ис», «си-ахс вæййы цæуаг йæ каистæм», «цæст кай нæ уына, уый зæрдагйæ дæр рох у».

Есть и обратные случаи: «и ворона свое гнездо за царский дом принимает», «старый вол воды попьет, а бычок лед полижет», «чтобы плетень перейти, выбирай, где пониже», «женское сердце догадливо», «мужчина без хозяйки как дом без крыши».

Таким образом, в своей работе мы попытались охарактеризовать лишь некоторые актуальные проблемы авторского художественного перевода. Проведя сравнительно-сопоставительный анализ двух текстов, мы убедились, что самоперевод дал прекрасную возможность Н.Г. Джусойты подчеркнуть национальную специфику в тексте перевода. Он по мере возможности сохраняет реалии в переводе, а там, где это невозможно – описывает. Богатый фразеологический состав повести Н.Г. Джусойты «Адæймаджы мæлæт» находит свое адекватное отражение в русскоязычном тексте, перевод некоторых паремий сопровождается эквивалентами в переводящем языке. Если же подходящие аналоги или эквиваленты в русском языке отсутствуют, переводчик использует буквальный перевод.

1. Джусойты Н. Г. Реки вспять не текут. Повести. М.: Советский писатель, 1981.
2. Нафи. Адæймаджы мæлæт (Уацаутæ). Цхинвал: Ирыстон, 1976.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2003.
4. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. 2-е издание, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986.